

Прокоп Ершов ушёл бить фашистов, приписав себе два недостающих года. Ростом вовсе не маленький, да и силой тоже не был обделён. Сибиряку посчастливилось: вернулся живым. В районной газете после майских счастливых залпов было опубликовано письмо солдата Ершова, продолжавшего уже мирную послевоенную службу. Но писателем Прокопа земляки стали называть позже.

Приехал в Ивантеевку журналист местной газеты, чтобы написать о тех, кто ушёл на фронт в сороковые-роковые и всем смертям назло уцелел. Игнат-пехотинец болел, Максим и Егор гостили у детей в Новосибирске, Пётр лечился в госпитале, Андрей уехал с сыном в райцентр. Так что остался один солдат – Прокоп. Через неделю пришла районная газета с фотографией нашего героя: седой, коренастый, натруженные руки на столе, заслуженные награды на праздничном пиджаке ветерана. Под воспоминаниями была выведена фамилия «Ершов». Пошли в тот вечер гости к Прокопу. Первым явился Андрей:

– А ещё скрывал, что писатель.

Честной народ прибывал кто с чем: один с воспоминаниями, другой с любопытством. Ведь редкий земляк попадал

на страницы газеты. Село от райцентра – самое отдалённое. Колхоз не из тех, что опытом делится: молодёжь не задерживается. В школе пятнадцать ребятишек. Нечасто упоминались в «районке» фамилии ивантеевцев. А тут известный всем скромняга старый солдат рассказывает о далёких военных роковых годах.

Друг Андрей вздохнул:

– Я тоже мог бы повспоминать... Вон сколько нас за Победой на фронт шло, да мало, кто в живых. А теперь и ты вошёл в историю... Писатель какой!..

На следующий день с утра до вечера опять застолье-разговоры. Историкам не было конца. Максим брал Берлин, Егор освобождал Польшу, Игнат испытал муки и последствия окружения, Пётр служил санитаром и повидал безруких, безногих, безглазых, Андрей побывал в подмосковной мясорубке. Прокоп, наслушавшись земляков, во сне воевал. Да не простым солдатом, а политруком, потому командовал:

– Вперёд, ребята!

Утром Прокоп клялся жене, что голова раскалывается. Поверила, а может, пожалела его, но налила полстопочки первачка. Только припрятала лекарство, как двери хлоп-захлоп, опять гости и их истории. Юбка с кофтой, платок Егоровны пропахли сигаретами и махоркой, которую любили старые солдаты. Хорошо, что хозяйка на десять лет моложе Прокопа. Иначе точно не выдержала бы. Синий фартук мелькал от печки к столу, от стола в сенцы. Егоровна еле успевала прибавлять в тарелку огурцы, резала сало да поглядывала в бочку, останется ли солёный боровок при таком «ресторане» до осени. Уставшая и выдохшаяся, она проворчала:

– Коль заделался писателем, запоминай, что каждый рассказывает. Люди тебе доверяют, как же. После войны бригадирствовал, депутатствовал, протоколу составлял. Давай вот теперь пиши про каждого.

Приздумался ветеран: дело-то хорошее. Да и по силам, пожалуй. Надел Прокоп костюм при наградах, обул видом новые, но годами старые, чёрные бурки. Пригладил седые усы-треугольники и дуги-брови, поодеколонился, поехал с внуком в райцентр. Решил посоветоваться с важными людьми.

– Благодарны будем, если солдат о солдате напишет. Кто лучше знает о войне! – сказал военком и показал ветерану взлохмаченную книгу, в которой отмечали, кто, откуда, когда убывал на фронт.

Увидел Прокоп знакомые фамилии. Нашёл и свою. Но большинство из тех солдат перекочевало из этой книги в другую – Книгу Памяти, обложка которой цвета пролитой крови. Немолодая редакторша заверила Прокопа:

– Если что, мы текст подправим.

Доволен ветеран: уважительная и доброжелательная женщина. Надо же, ещё дала стопку белой бумаги. Жаль, что не разлинована. Без привычки сначала трудно будет писать. Но подарок не покупка – назад не вернёшь и не поменяешь.

Вернувшись домой, Прокоп решил посоветоваться с председателем колхоза. Чего, мол, ограничиваться районной газетой, можно замахнуться и на книгу:

– О войне не понаслышке знаю, всякой солдатской каши сам хлебнул. Редакторша, конечно, обещала тексты подправить. А я что, писать разучился?

– Одно дело воевать, а писать – твоё ли? – отговаривал председатель ветерана.

Однако никто не мог переубедить старого солдата. Председатель поехал в Новосибирск по колхозным делам, взял Прокопа с собой. Нашли издательство и главного по военной тематике. Качнул тот удивлённо чёрными очками на молодом лице:

– Нужное и трудное дело начинаете, Прокоп Васильевич. Сделаем так: сначала печатайте всё в местной газете. Там

отредактируют материалы, потом уже к нам. Что получится, то получится. Шестидесятилетие Победы – серьёзная дата!

– Да я охапки военных историй привезу. У нас, знаете, какие солдаты?! – обрадовался Прокоп.

После этой поездки и стали в селе называть Прокопа писателем. Председатель дал старому солдату два амбарных журнала, три авторучки, три альбома для заметок. В сельском совете вручили папку со списком участников Великой Отечественной войны.

Как думаете, кто первым свою боевую историю рассказывал? Конечно же, друг детства Андрей-брякнога. Отстегнул он деревянную ходулю, положил под кровать и хохотнул:

– Смотри, Егоровна, не истопи верную мою подружку. Как я на очередном дне Победы плясать-то буду!

Прокоп приладил на колени амбарный журнал и стал слушать. Друг прихлёбывает чай да ведёт неторопливо рассказ.

– ...Потом шли на Москву. Как щас помню, такая же великая, гордая, хоть и нерадостная. В прошлом годе ездил, она опять великая, гордая, но задумчивая. Ох, погибали мы на Волоколамском шоссе... Но в живых остался, хотя и госпитальничал полгода. Тама санитарочка наступала на меня, опять в победителях. Прокоп, чего я один чаёк пью?

Тому не до чая! Рука с непривычки устала. Пальцы ломило. В кисти рвало. Даже плечо ныло, словно прошлой осенью от поднятого мешка с картошкой. Ад какой. Всего дел-то... Слушай да записывай. Но трудно за словами угнаться, удивлялся Прокоп.

– Оставь листьев пяток или десяток – завтра доскажу. Ты крупно машешь. Что фасолины твои буквы, – успокаивал друга Андрей-брякнога.

Вечером Прокоп выключил телевизор и взялся за первый рассказ. Надо же, сам писал, сам и не разобрал. Дудки, решил,

теперь крупный почерк надо поменять на мелкий. Место и время тратить на всякие там «как щас помню», «вижу перед глазами» вовсе не обязательно: это отвлекает и ничего не даёт.

Назавтра сошлись оба при параде. Переменялись самокрутками. Прокоп с гордостью-удивлением:

– Не гляди, что огороды рядом, что один дождь ивантеевскую землю поливает, одно солнышко обогревает. Дых-то у каждого табачка свой! Вот и мы шли в один бой. Да только с разным разбегом. Кто со страхом, кто с недумкой о смерти.

– Что ты хочешь. Война – жизнь. Но в особом варианте. Табачок – он что мирный суп. Твоя молодая вон как варит борща, моя же – иначе. Но военная каша иной раз снится и даже дымком пахнет. Ты про санитарку не пиши. Ревнивица жена. Хотя давно внапрасную.

– Сам думай, что говорить. Для рассказа подберу достойные слова. У тебя вон наград сколько. Тоже в историю войдёшь. Возьмут в библиотеке люди книжку, интересно будет им читать про земляка. Завтра приходи – уж не знаю, понравится, нет ли, каким нарисую тебя.

Но ни назавтра, ни через пять дней нет рассказа. Неделю Прокоп пристраивал да прикладывал слово к слову, строку к строке. Наконец переписал начисто шесть листов. Опять же названия нет. Как их придумывают? Но Андрей-брякнога доволен:

– Хороший рассказ. Назови так, как меня кличут, не обижусь.

Вечером Прокоп позвонил редакторше:

– В голове гул, в руке ноета. Всяко к словам подкрадывался. Факт с фактом соединял, но собрал рассказ.

Два дня живал-ночевал Прокоп у сына в райцентре, а знакомый тот корреспондент доводил труд солдата до ума. Гладко, плавно вышло. Слова, факты те же, но как-то ловчее

журналист их изложил. От прежнего названия тоже не всё осталось. Теперь земляки увидят в газете рассказ «Мой друг Андрей». Кажется, мог такое название дать и Прокоп, а вот...

Домой старого солдата доставили с почётом на редакционной машине. Редакторша попросила сельсоветовских работников оказывать помощь автору в нужной ему информации. И похвалила солдата в новом начинании. Ветеранов собрали и сфотографировали как всех вместе, так и отдельно. Это же герои будущих рассказов Прокопа.

Ждал Прокоп ту газету, что солдат первый бой. Ждал и Андрей своей участи. Дождались. Вновь собрались ветераны. Но уже не в доме Ершовых – в сельсовете. Решили: следующую историю станет рассказывать Игнат, потому что здоровье его подводить стало. Неделю корпел Прокоп над воспоминаниями друга. И вскоре земляки читали о военном пути земляка.

Собираются ветераны в кабинете у председателя сельсовета, вспоминают свои дороги к Великой Победе, говорят о сегодняшнем. Как так получается? За мир сражались, гибли, калеками возвращались, и вдруг такое творится... Не находят старые солдаты ответа.

Жизнь идёт. Ветераны не молодеют. И здоровье их не лучше становится. Побольше годков бы пожить и нашему Прокопу-писателю. К тому же не все боевые истории старых солдат переписал. Да ведь ещё и книгу задумал опубликовать!..

